

ВЛИЯНИЕ ТИПА РЕЛИГИОЗНОСТИ НА ОТНОШЕНИЕ К ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬЕ

Загирова Эльвира Махачевна*

Региональный центр этнополитических исследований,
Дагестанский научный центр Российской академии наук, Махачкала, Россия

Цитирование: Загирова Э.М. (2017) Влияние типа религиозности на отношение к традиционной семье. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(2): 82–103.

Аннотация: При характеристике современной традиционной дагестанской семьи, процесса ее трансформации, а также кризисных явлений в данной сфере немаловажным является изучение влияния типа религиозности на семейное поведение народов Дагестана. Описательное социологическое исследование традиционной дагестанской семьи, факторов ее разрушения и тенденций развития проведено автором в 2016 г. в Республике Дагестан. Методом исследования является массовое стандартизированное анкетирование. Опрошено 1323 чел. Изучалось отношение к распространенному в современном дагестанском обществе институту многоженства, значимость/ незначимость религиозной принадлежности при заключении собственного брачного союза и брака детей, отношение к гражданскому браку и др.

Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют о важности религиозной принадлежности брачного партнера. Большая часть опрошенных женщин, а также опрошенных из подгруппы «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих» продемонстрировали отрицательное отношение к многоженству: данное явление определялось ими как «безнравственное», грозящее разрушением традиционной семьи. Исследование показало, что конфессиональная идентичность дагестанцев находится в тесной связи с их этнической идентичностью, — более того, можно констатировать формирование этноконфессиональной идентификации. При этом религиозная идентичность, находясь во взаимосвязи с этнической, практически не является предметом выбора, — видимо, именно этим объясняется негативное восприятие дагестанцами межконфессионального брачного союза, что в наибольшей степени демонстрируют подгруппы, относящиеся по своему типу религиозности к когорте «убежденно верующих» и «верующих». Характерно, что опрошенные обозначают многоженство как «пережиток прошлого», а сайт «Ищу вторую жену» — как способный еще более усилить трансформационные процессы традиционной семьи. Вместе с тем в установках опрошенных имеет место и позиция, оправдывающая данное явление.

Ключевые слова: традиционная семья, семейное поведение, семейно-брачная сфера, дагестанские народы, полигамность

---

* E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Введение

В современном обществе происходят значительные изменения в функционировании базовых социальных институтов, и институт семьи, испытывая на себе веяния новой информационной эпохи под влиянием глобализационных процессов, также трансформируется. В современном российском обществе данные тенденции проявляются достаточно ярко, причем в разной степени в зависимости от региона, его этнокультурной и конфессиональной специфики. В целом, как отмечают исследователи, институт семьи в современной России характеризуется изменениями в ценностно-нормативном пространстве, появлением и распространением новых типов семей и семейных отношений, трансформацией функциональных отношений между обществом и семьей (См.: Верещагина, Самыгин 2014), а также структурой функций, уже далеко не однозначной для различных типов семей.

Семейно-брачная сфера является объектом пристального внимания западных и отечественных исследователей. В последние десятилетия теоретическая мысль как зарубежных, так и российских ученых находится под сильным влиянием сложившихся научных парадигм. Разные социологические школы развивали сформировавшиеся представления о тех или иных аспектах функционирования семьи как социального института и малой группы. Со временем данные представления превратились в стереотипы, препятствующие выявлению новейших тенденций и закономерностей в развитии брачно-семейных отношений. В связи с этим теоретико-методологический анализ состояния семьи как социальной структуры в условиях трансформации российского общества является не только своевременным, но и крайне необходимым (Карцева 2003: 92).

Среди трудов отечественных исследователей, занимавшихся изучением семьи, следует отметить работы А.Г. Харчева, М.С. Мацковского, С.И. Голода, А.И. Антонова, В.М. Медкова, А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова, А.В. Верещагиной и др. Так, А.Г. Харчевым показана социальная сущность брака и семьи, продолжена традиция эволюционного подхода к развитию семейно-брачных отношений, а также разработан новый для российской социологии функциональный подход к семье (См.: Харчев 1979). М.С. Мацковский развил традицию функционального подхода, взял на вооружение системный подход и показал связь между экономическими условиями жизнедеятельности общества и характером функций, исполняемых семьей, их иерархией (См.: Мацковский 1989). С.И. Голод одним из первых в отечественной социологии поставил вопрос о сохранении в новых условиях не просто нукlearной семьи, а семьи моногамной (См.: Голод 1996а; Голод 1996б; Голод 1998). А.Г. Вишневский связал исполнение семьей репродуктивной функции с жизненным циклом не только самой семьи, но и жен-

щины, показав различия в демографических интересах общества и не-демографических интересах семьи (См.: Вишнеvский 1976). А.И. Антонов и В.М. Медков продолжили движение в сторону исследования внутренней структуры семьи, обратившись к микросоциологии семьи (Антонов, Медков 1996; Антонов 1998; Антонов, Сорокин 2000).

По мнению Л.В. Карцевой, модель семьи в современном российском обществе вариативна; она может объединять супругов с детьми, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару «мать и ребенок»; бездетных партнеров, не вступающих в брак и ведущих совместное хозяйство; полигамный союз, основанный на религиозных обычаях или новых нравственных нормах, а также однополый фактический брак (Карцева 2003: 95). А.В. Верещагина с позиций неоинституционального подхода определяет традиционную семью как семью, которая по своему типу, характеру семейных отношений, репродуктивному и в целом семейному поведению соответствует нормам и правилам семейного поведения, принятым в обществе, как на формальном, так и на неформальном уровне (См.: Верещагина 2009; Верещагина 2012: 89).

Институт семьи в современной России характеризуется в большинстве случаев с позиций кризисных проявлений, таких как снижение рождаемости и переход к малодетной модели семьи как доминантной, высокий уровень разводов и, как следствие, неполных семей, распространение семей группы «риска» и, соответственно, молодежной и подростковой девиации, стремительное снижение социального здоровья семьи и молодежи, что расценивается учеными как проявление духовного кризиса общества (См.: Верещагина, Гафиатулина, Самыгин 2015).

Ставя вопрос о том, возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции, Т.Ю. Брыкова характеризует современный институт супружества как чрезмерно свободный от каких-либо обязательств партнеров друг перед другом, стремящихся максимально удовлетворить свои потребности в положительных эмоциях, самореализации, сексуальных отношениях (Брыкова 2011: 140). В целом соглашаясь с исследовательницей в том, что счастье супругов в современном мире во многом зависит от уровня удовлетворенности супругами семейной жизнью, в которой эмоциональный и сексуальный аспекты имеют высокую значимость, мы все же полагаем, что эта характеристика, особенно в той ее части, которая гласит об отсутствии обязательств у супругов, излишне критична, как и кризисные оценки института семьи в России. Основой для такого вывода является существование различных взглядов на данную проблему. Несмотря на то, что в среде российских фамилистов доминирует кризисная позиция, для оценки изменений в институте семьи нам представляется более продуктивной эволюционная парадигма, а также парадигма трансформационная, согласно

которой два процесса, традиционно представленные в социологии семьи как противоположные по своим идейным и концептуальным положениям — кризис и эволюция семьи — рассматриваются как взаимосвязанные и взаимозависимые. Речь идет о том, что в институциональном пространстве семьи имеют место как разрушительные (кризисные) тенденции, так и эволюционные, порождаемые кризисными, т. е. появление новых типов семейных отношений и ценностей, а также типов семьи возможно только в процессе кризиса и разрушения традиционных оснований семейных отношений. В российском обществе этот процесс, в связи с постсоветскими преобразованиями и включением в мировое глобализационное пространство, стал протекать заметно интенсивнее.

А.В. Верещагина и М.М. Шахбанова пишут об этом так: «Процесс перехода к современному типу семьи на основе разрушения традиционных основ функционирования семьи, сформированных на протяжении исторического, по своей сути авторитарного, развития российского общества, представляется совершенно закономерным и позитивным явлением в условиях демократизации всей общественной жизни» (Верещагина, Шахбанова 2013: 66). Эта точка зрения о позитивном характере разрушения традиционной семьи в России сильно противоречит официальным заявлениям и программным документам, в которых провозглашается необходимость возврата к традиционной семье при полном отсутствии понимания того, что представляет собой традиционная семья (Гурко 2013: 35), возврат к которой в принципе невозможен в силу необратимости процессов, произошедших в институциональном пространстве российской семьи (Верещагина, Шахбанова 2013: 69).

Прежде чем перейти к изложению полученного социологического материала, необходимо пояснить, что мы понимаем под типами религиозности. Согласно классификации, предложенной Н.П. Алексеевым (табл. 1), верующие и неверующие различаются по глубине их веры и неверия: среди верующих встречаются фанатики, среди неверующих — убежденные атеисты. Эти группы различаются и по целостности, последовательности мировоззрения. Далеко не все неверующие последовательны в своих убеждениях: например, многие из них отрицают существование нечистой силы, загробной жизни и другие элементы догматики. Непоследовательность миро-

Таблица 1

Основные мировоззренческие группы

Верующие		Колеблющиеся	Неверующие	
Активные	Пассивные		Активные	Пассивные
Последовательные				
Непоследовательные				

воззренческих позиций неверующих может проявляться в признании ими сверхъестественных сил с очень ограниченной областью действия, поэтому Н.П. Алексеевым была предложена классификация мировоззренческих типов, охватывающая людей от активных и последовательных верующих до активных атеистов (Алексеев 1967: 134–135).

Таким образом, цель данной статьи — на основе классификации основных мировоззренческих групп Н.П. Алексеева показать, как типы религиозности отражаются на трансформации традиционной семьи, факторах кризиса современной дагестанской семьи, семейно-брачном поведении дагестанских верующих, самоидентифицирующихся как «убежденно верующие», «верующие», «колеблющиеся», «неверующие» и «убежденно неверующие».

Методы исследования

Основным методом сбора информации являлось анкетирование. Вопросы, включенные в анкету социологического опроса, носили полузакрытый характер, что предоставило респондентам широкий выбор для обозначения своего отношения к семейно-брачной сфере. Опрос проведен методом случайного отбора, охватывающего 3 географические зоны республики (равнинная, предгорная, горная), которые различаются между собой по социально-экономическому развитию, но которым свойственна поликонфессиональность и полиэтничность. Выборка построена с учетом пропорционального представительства дагестанских народов в структуре населения республики, в нее вошли все социальные прослойки, с учетом образовательного уровня и половозрастной специфики, а также отношения к религии. В исследовании использована случайная выборка с применением шага 3, т. е. исходя из определенного признака, в нашем случае семейного статуса (женатый/ замужняя, холостяк/ незамужняя, разведенная/ разведенный, вдова/ вдовец) и типа религиозности респондентов (убежденно верующие, верующие, колеблющиеся, неверующие, убежденно неверующие). Социологический опрос проведен автором в 2016 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском, Новолакском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. Размер выборочной совокупности — 1323 респондента. Ошибка выборки 5 %. Обработка анкеты осуществлена в программе FAR. Распределение респондентов по различным параметрам выглядит следующим образом: *по этнической принадлежности*: аварцы — 29,2 %, агулы 1,0 %, азербайджанцы 4,5 %, даргинцы 16,9 %, кумыки 14,8 %, лакцы 5,5 %, лезгины 13,2 %, русские 3,6 %, рутульцы 0,9 %, табасаранцы 4,1 %, чеченцы 3,2 %, цахуры 0,3 %; *по образовательному статусу*: базовое среднее — 9,1 %, среднее — 26,6 %, среднее

специальное — 48,7 %, высшее и незаконченное высшее — 15,6 %; по возрасту: до 20 лет — 18,1 %, от 20 до 30 лет — 24,6 %, от 30 до 40 лет — 19,2 %, от 40 до 50 лет — 14,4 %, от 50 до 60 лет — 13,4 %, от 60 лет и выше — 10,3 %; по гендерному признаку: мужчины — 658 чел. (49,7 %), женщины 665 чел. (50,3 %); по отношению к религии: 38,9 % (515 чел.) убежденно верующие, 62,6 % (696 чел.) верующие, 5,6 % (74 чел.) колеблющиеся, 2,4 % (32 чел.) неверующие, 0,5 % (6 чел.) убежденно неверующие.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к изложению социологического материала, следует отметить, что под традиционным типом семьи автор статьи понимает непосредственную или нуклеарную семью (отец и мать, состоящие в браке, и их дети), а трансформация ранее существовавших типов социальных отношений, появление новых гражданских отношений, как показывает время, имеет не только позитивные, но и негативные последствия для сохранения самого института семьи (Загирова 2015: 161). Известный дагестанский этнограф С.Ш. Гаджиева очень подробно рассматривает происходившие на разных исторических этапах развития дагестанского общества изменения в институте семьи. По ее мнению, во второй половине XIX — начале XX в. неразделенная семья в Дагестане состояла из двух, трех и более поколений близких родственников как нисходящих, так и боковых, а также их жен. Процесс раздела семьи воспринимался обычно как результат хозяйственно-бытовых трудностей (Гаджиева 1985: 36). Таким образом, автор рассматривает современное положение дагестанской семьи и исходит из того, что ранее существовавшие формы семьи либо вообще исчезли, либо подверглись существенным изменениям.

Параметры, выбранные для анализа, позволяют выявить основные установки функционирования семьи в современном дагестанском обществе при распространении полигамности, толерантного отношения к многоженству, ориентированности современных молодых мужчин (впрочем, как и незамужних женщин) на создание «второй семьи», статус которой официально не закреплена, но основана на религиозной традиции, и т. д. Более того, можно предположить, что неофициальная семья благополучно конкурирует с официальной.

В данном исследовании автор исходит из предположения, что в семейно-брачной сфере этнический и религиозный факторы играют важную роль, хотя имеются и другие мнения. В частности, Л.В. Карцева считает, что на современном этапе развития российского общества и его семейно-брачной сферы отсутствует зависимость брачно-семейного состояния от национальной и религиозной принадлежности, что подтверждает, с ее точки зрения, предположение о снижении роли этнорелигиозного фактора в функциони-

ровании семьи в России (Карцева 2003: 96). С этим нельзя полностью согласиться, как и с утверждением того же автора относительно снижения значимости этнической принадлежности для показателей демографического поведения семьи: тип брака, уровень разводов, численность детей в семьях и т. д. Возможно, для других российских регионов этот фактор и не является значимым, но для Дагестана, с его традиционной культурой, данные показатели сильно отличаются, демонстрируя привязанность к традиционным формам брака (в горных районах браки могли и не регистрироваться, главным было заключение мусульманского брака), многодетности как идеалу структуры семьи и т. д. Безусловно, в семейно-брачной жизни дагестанцев произошли заметные изменения, однако не столь кардинальные, как у населения европейской части России (См.: Гаджиева 1985; Шахбанова 2013).

Как показали результаты эмпирического исследования, значительное влияние на отношение к межнациональным бракам и формирование установок в отношении межэтнической брачности оказывает религиозный фактор. Как же относятся верующие и неверующие к межнациональному браку? Распределение ответов на вопрос об отношении к религии показывает, что суждение «национальность в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдает обычаи моего народа» занимает первое ранговое место (30,3 %), на втором месте располагается «предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы» (26,1 %), и чуть меньше опрошенных подчеркивают нежелательность межэтнического брака (21,3 %). Неверующие отметили возможности межэтнического брака в укреплении толерантных установок между народами. Верующие позитивно относятся к межэтническому браку как сына (56,1 %), так и дочери (43,3 %); неверующие затруднились оценить свое отношение к смешанному браку сына (90,1 %) при положительном отношении к браку дочери (87,3 %). При этом среди верующих выше доля относящихся отрицательно к межэтническому браку дочери (34,4 %) и сына (25,3 %). Можно предположить, что респонденты при характерном для них интернационализме четко отделяют разные сферы взаимодействия (трудовая, дружеская, и т. д.) от семейно-бытового уклада, разделяя достаточно консервативную позицию, что жить с представителем своей национальной, конфессиональной принадлежности легче, ибо общность языка, образа жизни, традиций и обычаев помогают преодолевать сложности, возникающие в семейной жизни (См.: Шахбанова 2006).

Таким образом, при изучении частоты распространенности межэтнической брачности в многонациональной среде актуальным является выявление роли религиозного компонента в данном процессе. Готовность к межэтническому взаимодействию и общению в различных сферах жизнедеятельности человека (деловой, неформальной, в том числе семейной) находится под влиянием множества факторов. Например, в производственной

сфере отношение к этноконтактам может формироваться как соперничество за рабочие места, особенно престижные, в том числе во властных структурах, обеспечивающих доступ к собственности. В семейно-брачной сфере установки на межэтническое общение находятся под сильным влиянием национальных традиций, часто тесно связанных с религиозными предписаниями: «у народов мусульманской культуры при добром расположении к общению с русскими, а в советские времена даже престижности такого общения, тем не менее, нормой были эндогамные браки» (Социология межэтнической... 2003: 45). Здесь необходимо уточнить, что в данном контексте рассматривается возможность вступления в брак не только с русским, но и с представителями других национальностей и исповедующими другие религии. Более того, именно в период массового приезда русских учителей, инженеров, врачей и т. д. в Дагестан вступление в брак с представительницей этого народа было очень престижным, и такие браки чаще всего и заключались.

Разумеется, вероисповедание народов Дагестана не допускало заключения брака с мужчиной, не исповедующим ислам. Результаты исследования показывают доминирование в общественном сознании дагестанцев положительной оценки межнационального и межконфессионального брачного союза мужчин при отрицательном отношении к аналогичному браку женщины. Непременным условием в таких случаях является, чтобы мужчина или женщина перешли в лоно религии, к которой принадлежит будущий брачный партнер. На международном форуме «Ислам и иудаизм: пути диалога и сотрудничества» (Москва, 2006 г.) Р. Гайнутдин отметил, что «в Коране, который является законом для мусульман, выделены “люди Писания” — иудеи и христиане — и предписана веротерпимость по отношению к ним. Это ярко проявляется, в частности, в том, что мусульманам позволяется вступать в брак с представителями этих вероисповеданий, который вправе и в браке исповедовать свою веру» (Исламские новости 2006: 45). Однако на практике такая терпимость редко проявляет себя, и общественному сознанию мусульман свойственно неприятие брака с человеком иного вероисповедания, особенно часто в отношении межконфессионального брака женщины, реже мужчин.

С целью выяснения роли религиозного фактора в брачном процессе респондентам был задан вопрос, позволяющий выявить существующие в массовом сознании дагестанцев установки (см. табл. 2).

Больше половины опрошенных подчеркивают необходимость учета религиозной принадлежности будущего супруга (-и) при решении вступить в брак как своих родственников, так и собственном решении. Причем можно заметить заметные различия, которые демонстрируют опрошенные с разным типом религиозности. Так, среди «убежденно верующих» и «верующих»

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе будущего супруга (-и) при выборе супруга (-и) Ваших детей?» (варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	При выборе будущего супруга (-и)		При выборе супруга (-и) Ваших детей	
	Да	Нет	Да	Нет
Убежденно верующий	86,9	10,0	84,2	11,2
Верующий	72,5	22,1	66,7	21,5
Колеблющийся	51,5	42,7	43,7	42,7
Неверующий	54,2	45,8	54,2	45,8
Убежденно неверующий	41,7	58,3	33,3	58,3
Всего:	73,1	22,1	67,8	21,9

заметно выше доля отмечающих важность конфессиональной принадлежности брачного партнера; также обращает на себя внимание позиция «неверующих», больше половины которых придерживается аналогичного мнения; при этом когорта «убежденно неверующих» отмечает незначимость религиозной принадлежности человека при заключении как собственного брачного союза, так и брака детей.

На важность конфессиональной принадлежности будущего супруга (-и) указывают опрошенные чеченцы (88,1 %), аварцы (81,4 %), даргинцы (71,8 %), лезгины (69,7 %), кумыки (68,9 %), лакцы (66,3 %), русские (40,7 %), а на необходимость принятия во внимание религиозной принадлежности брачного партнера при решении вопроса о вступлении в брак своих детей — аварцы (79,6 %), даргинцы (71,8 %), лезгины (66,1 %), лакцы (63,5 %), кумыки (54,1 %), русские (44,4 %) и чеченцы (41,7 %). Из всего массива выделяются респонденты-русские, больше половины которых отмечает незначимость религиозной принадлежности при заключении как собственного брака (57,4 %), так и родственников (53,7 %). Если конфессиональная принадлежность является важным фактором при заключении брака, то в иных сферах этноконтактирования она для опрошенных не имеет большого значения. Утверждая, с одной стороны, важность конфессиональной принадлежности брачного партнера, с другой, респонденты усматривают в «наличии большого количества межнациональных и межконфессиональных браков» (23,8 %) возможности для формирования дружеских отношений между дагестанцами. По этнической принадлежности данную позицию разделяет относительно большая доля опрошенных лезгин (30,5 %), даргинцев (27,5 %) и кумыков (26,6 %), в отличие от небольшой части опро-

шенных лакцев (14,9 %), чеченцев (17,6 %) и русских (18,5 %) (См.: Шахбанова 2009; Шахбанова 2012).

Не менее важным в исследовании является выявление отношения дагестанцев к не зарегистрированным семейным союзам (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к гражданским (не зарегистрированным, сожительствующим) семьям?» (варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Положительно, печать в паспорте не имеет значения, если они любят друг друга и им хорошо вместе	20,4	18,1	31,1	37,5	25,0	20,0
Положительно, люди должны проверить свои отношения, прежде чем заключить официальный брак	10,0	9,1	21,4	41,7	33,3	11,1
Положительно, если какие-то причины не позволяют людям официально оформить свои отношения	15,8	16,8	29,1	29,2	16,7	17,8
Положительно, наша религия позволяет заключить брак по исламским предписаниям, а это важнее регистрации брака в ЗАГСе	40,4	25,3	15,5	4,2	0	26,9
Положительно, можно заключить шариатский брак, и людей в таком браке не будут называть сожителями	26,9	14,5	15,5	8,3	16,7	16,9
Отрицательно, если отношения не будут оформлены по одному из возможных вариантов (по религиозным предписаниям или по закону)	22,3	19,8	14,6	0	8,3	19,4
Отрицательно, наша религия не допускает добрых отношений	33,8	28,0	10,7	4,2	16,7	27,3
Отрицательно, незарегистрированные отношения порождают безнравственность	8,8	10,6	9,7	16,7	16,7	10,4
Отрицательно, тем самым нарушаются традиционные устои нашего общества	13,1	13,7	12,6	25,0	16,7	13,7

Окончание таблицы 3

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Колеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Отрицательно, гражданский брак разрушает традиционные семейные отношения и семейные ценности	11,9	12,9	5,8	12,5	8,3	12,1
Отрицательно, возможность сожительства, под прикрытием гражданского брака, способствует утрате важности семьи, семейных ценностей и формирует безнравственность в поведении молодого поколения	18,1	18,8	15,5	29,2	16,7	18,6

Приведенные в табл. 3 результаты исследования показывают превалирование в установках опрошенных негативной позиции с мотивацией «наша религия не допускает добрачных отношений» (первое ранговое место), причем ее придерживается каждый третий опрошенный из подгруппы «убежденно верующих» и каждый четвертый среди «верующих», меньше всего таковых в подгруппе «неверующих», хотя каждый шестой опрошенный «убежденно неверующий» также разделяет данное суждение; на втором месте «положительно, наша религия позволяет заключить брак по исламским предписаниям, а это важнее регистрации брака в ЗАГСе», которого придерживается каждый второй опрошенный среди «убежденно верующих», каждый четвертый среди «верующих» и доля таковых при оценке незарегистрированного брака в остальных подгруппах заметно снижается; далее каждый пятый опрошенный разделяет мнение «положительно, печать в паспорте не имеет значения, если они любят друг друга и им хорошо вместе», которое ближе каждому третьему опрошенному в подгруппе «колеблющихся» и «неверующих», а также каждому четвертому опрошенному среди «убежденно неверующих»; суждение «отрицательно, если отношения не будут оформлены по одному из возможных вариантов (по религиозным предписаниям или по закону)» наиболее близко подгруппе «убежденно верующих» (каждый четвертый опрошенный) и «верующих» (каждый пятый опрошенный), в то время как в других подгруппах их доля заметно ниже. Среди выбравших суждение «положительно, если какие-то причины не позволяют людям официально оформить свои отношения», выделяются респонденты, самоидентифицирующиеся как «колеблющиеся» и «неверующие»; далее позиция

«отрицательно, возможность сожительства, под прикрытием гражданского брака, способствует утрате важности семьи, семейных ценностей и формирует безнравственность в поведении молодого поколения» близка каждому третьему опрошенному в подгруппе «неверующих», каждому пятому среди «верующих» и каждому шестому опрошенному среди «убежденно верующих», «колеблющихся» и «убежденно неверующих». Иными словами, проведенный анализ показывает важность для опрошенных дагестанцев, независимо от типа религиозности, заключения брачного союза по религиозным канонам и превалирование отрицательного отношения к институту гражданского брака в целом. При этом следует отметить, что для представителей мусульманских народов, вступающих в брак, важнее заключение шариатского брака, чем официально зарегистрированного, и они меньше находятся в состоянии гражданского брака, ибо, во-первых, этого не допускает исламское вероучение, во-вторых, это осуждается обществом. Опрошенные также акцентируют внимание на необходимости соблюдения нравственности, мотивируя это тем, что сожительство способствует понижению нравственных установок.

В нашем исследовании также был затронут вопрос об отношении разных мировоззренческих групп к институту многоженства (см. табл. 4).

По всему массиву опрошенных превалирует суждение «отрицательно, это может разрушить семью, потому что не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь “вторую жену”», причем его разделяют опрошенные независимо от типа религиозности, а также «отрицательно, многоженством пытаются прикрыть безнравственность», которого придерживаются больше опрошенных в подгруппах «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих». При этом следует отметить, что оценивающих положительно многоженство с мотивацией «у нас мужчин меньше, чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья», «если мужчина не уходит из “первой” семьи и ее обеспечивает» и «наша религия допускает многоженство» относительно больше в подгруппе «убежденно верующих». Обращает на себя внимание позиция каждого четвертого опрошенного в подгруппах «неверующих» и «убежденно неверующих», каждого пятого опрошенного среди самоидентифицирующихся как «верующие» и «колеблющиеся», которые, по сравнению с «убежденно верующими», называют многоженство «пережитком прошлого». Результаты опроса по гендерному признаку показывают, что позицию «отрицательно, это может разрушить семью, потому что не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь “вторую жену”» разделяет каждый третий опрошенный среди мужчин (33,8 %) и больше половины опрошенных женщин (56,2 %), причем доля отмечающих, что «многоженством пытаются прикрыть безнравственность», заметно больше среди женщин (30,4 %) и в 2 раза меньше среди мужчин (15,7 %). При этом в подгруппе

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к многоженству?»
(варианты ответов даны по группам
в % от общего количества опрошенных)**

Варианты ответов // Отношение к религии	Положительно, у нас мужчин меньше, чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья	Положительно, если мужчина не уходит из «первой» семьи и ее обеспечивает	Положительно, наша религия допускает многоженство	Отрицательно, это может разрушить семью, потому что не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь «вторую жену»	Отрицательно, многоженство — это пережиток прошлого	Отрицательно, многоженством пытаются прикрыть безнравственность
Убежденно верующий	22,3	24,4	25,4	40,0	9,6	21,5
Верующий	11,9	15,1	13,7	53,8	17,7	26,3
Колеблющийся	8,7	24,3	11,7	43,7	20,4	31,1
Неверующий	20,8	12,5	4,2	37,5	25,0	41,7
Убежденно неверующий	0	16,7	8,3	41,7	25,0	50,0
Всего:	13,8	17,8	15,6	49,8	16,5	26,2

мужчин каждый третий опрошенный отметил суждение «положительно, наша религия допускает многоженство» (31,4 %), доля таковых среди женщин составляет всего 9,7 %. Позицию «положительно, у нас мужчин меньше, чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья» отметили 23,3 % мужчин и только 10,6 % женщин, а мнения «если мужчина не уходит из “первой” семьи и ее обеспечивает», которого придерживаются 28,5 % мужчин и 13,5 % женщин. Иными словами, анализ по гендерному признаку показывает в целом негативное отношение опрошенных женщин к многоженству, при позитивной его оценке опрошенными дагестанскими мужчинами.

Далее в исследовании был задан «контрольный вопрос»: «Вы хотели бы иметь “вторую” жену?», на который одинаковая доля опрошенных мужчин ответили — «да, если в первом браке не будет детей, но я не захочу расстаться со своей женой» и «нет, я не хотел бы разрушать свою семью» — по 29,1 %; разделяющих первое суждение по типу религиозности относительно больше в подгруппе «колеблющихся» (каждый седьмой опрошенный), «убежденно

верующих» (каждый десятый опрошенный), «верующих» (каждый одиннадцатый опрошенный); второе суждение по типу религиозности разделяет каждый третий опрошенный среди «убежденно неверующих», каждый шестой опрошенный среди «неверующих» и каждый десятый опрошенный среди «убежденно верующих»; 13,9 % мужчин отметили суждение «наша религия позволяет мужчине иметь 4 жен», разделяемое 10,8 % респондентов, самоидентифицирующихся как «убежденно верующие»; 11,5 % опрошенных мужчин, 12,5 %, самоидентифицирующихся как «неверующие», а 16,7 % «убежденно неверующих» характеризуют многоженство как проявление безнравственности; в то же время небольшая доля респондентов мужчин готовы взять «вторую жену» с оговоркой «если я полюблю другую женщину, но не захочу разрушить свою первую семью» (6,8 %), а 6,0 % опрошенных мужчин ответили, что «материальное положение не позволяет иметь “вторую жену”».

В нашем исследовании выявлялось и отношение опрошенных к дагестанскому сайту «Ищу вторую жену» (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к появлению дагестанского сайта “Ищу вторую жену”?»

Варианты ответов // Отношение к религии	Положительно, это поможет молодым людям создать счастливую семью	Положительно, это позволит людям, не нарушая религиозных заповедей, иметь супружеские отношения и сохранить нравственность в обществе	Отрицательно, это приведет к разрушению основ традиционной семьи	Отрицательно, это приведет к разрушению первой семьи	Отрицательно, это противоречит государственным законам	Отрицательно, это приведет к росту разводов и увеличению числа неполных семей	Отрицательно, мужчина не сможет в полной мере уделить внимание воспитанию детей в обеих семьях
Убежденно верующий	16,5	26,5	28,5	32,7	5,0	32,3	27,3
Верующий	10,4	12,2	28,9	43,6	8,7	34,3	29,6
Колеблющийся	11,7	12,6	31,1	40,8	11,7	32,0	21,4
Неверующий	16,7	12,5	37,5	45,8	12,5	37,5	25,0
Убежденно неверующий	8,3	0	50,0	66,7	16,7	16,7	41,7
Всего:	11,8	14,9	29,3	41,5	8,3	33,6	28,5

По всему массиву доминирует суждение «отрицательно, это приведет к разрушению первой семьи», причем доля разделяющих данную позицию заметно больше в подгруппе «убежденно неверующих» (больше половины опрошенных), в противоположность подгруппе «убежденно верующих»; по гендерному признаку данную позицию разделяют 31,7 % опрошенных мужчин и заметно больше женщин (45,0 %). На второй позиции также располагается негативное отношение к появлению сайта «Ищу вторую жену» с мотивацией «это приведет к росту разводов и увеличению числа неполных семей», которое, как показывают результаты исследования, ближе каждому третьему опрошенному независимо от типа религиозности, каждому четвертому опрошенному среди мужчин (25,1 %) и каждому третьему респонденту среди женщин (37,0 %). Третье ранговое место занимает вариант ответа «отрицательно, это приведет к разрушению основ традиционной семьи», разделяемый каждым вторым опрошенным в подгруппе «убежденно неверующих», каждым четвертым опрошенным, самоидентифицирующимся «убежденно верующим» и «верующим», каждым третьим опрошенным в подмассиве «колеблющихся» и «неверующих», по гендерному признаку — 27,5 % мужчин и 30,8 % женщин. При этом каждый пятый опрошенный в подгруппе «колеблющихся», каждый четвертый опрошенный среди «неверующих» и «убежденно верующих», каждый третий опрошенный среди «верующих», каждый второй опрошенный среди «убежденно неверующих», а также 19,4 % респондентов мужчин и 32,2 % женщин считают, что появление данного сайта способствует тому, что «мужчина не сможет в полной мере уделить внимание воспитанию детей в обеих семьях». По сравнению с другими подгруппами, выбравших суждение «положительно, это позволит людям, не нарушая религиозных заповедей, иметь супружеские отношения и сохранить нравственность в обществе» больше среди «убежденно верующих» (каждый четвертый опрошенный) и заметно меньше в подгруппах «верующих», «неверующих» и «колеблющихся». Далее вариант ответа «положительно, это поможет молодым людям создать счастливую семью» ближе каждому шестому опрошенному в подгруппе «неверующих» и «убежденно верующих», каждому девятому среди «колеблющихся», каждому десятому опрошенному среди «верующих» и меньше всего таковых среди «убежденно неверующих». Можно заметить существенные процентные отличия в позициях опрошенных мужчин и женщин, позитивно оценивающих сайт «Ищу вторую жену». Так, опрошенные мужчины отмечают позиции «положительно, это поможет молодым людям создать счастливую семью» (19,6 %) в противовес 8,6 % опрошенных женщин, а также «положительно, это позволит людям, не нарушая религиозных заповедей, иметь супружеские отношения и сохранить нравственность в обществе» (26,4 %), с чем согласны только 10,1 % женщин. Таким образом, можно

констатировать заметные различия в позициях опрошенных мужчин и женщин в обозначении своего отношения к появлению сайта «Ищу вторую жену»: если первые в этом усматривают положительный момент, то вторые большей частью настроены негативно и связывают этот сайт с опасностью разрушения основ традиционной семьи, утраты традиционных ценностей и устоев, трудностей в воспитании детей, роста разводов и количества неполных семей.

Интерес представляет и отношение опрошенных женщин к институту «вторая жена» (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Вы сами согласились бы стать «второй женой»?» (варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Да, если я полюблю человека	Да, ради того, чтобы иметь ребенка	Нет, нельзя вмешиваться в чужую семью и разрушать ее	Нет, это безнравственно	Затрудняюсь ответить
Убежденно верующий	8,8	5,4	28,1	12,7	8,8
Верующий	5,8	5,8	39,9	17,7	6,6
Колеблющийся	3,9	4,9	36,9	16,5	6,8
Неверующий	0	0	37,5	16,7	4,2
Убежденно неверующий	0	0	16,7	25,0	0
Всего:	6,1	5,5	37,0	16,7	6,9

По всему массиву опрошенных, независимо от типа религиозности, превалирует негативное отношение к институту «вторая жена» с мотивацией недопустимости «вмешиваться в чужую семью и разрушать ее», которого придерживается каждая третья опрошенная; по сравнению с другими подгруппами выделяется подгруппа «верующих», «колеблющихся», «неверующих», отрицательно относящихся к статусу «второй жены» в пределах от 36,9 % до 39,9 %, в то время как доля таких заметно меньше среди «убежденно верующих». В этих же подгруппах заметно больше выбравших суждение «это безнравственно», причем его придерживается каждая четвертая из подгруппы «убежденно неверующих». По всему массиву опрошенных только каждая шестнадцатая опрошенная согласилась бы на статус «второй» жены» с мотивацией «если я полюблю человека», и таких относительно больше в подгруппе «убежденно верующих»; по семейному положению вышеприведенное суждение разделяют 5,4 % вдов и 3,5 % неза-

мужних женщин. По всему массиву 52,4 % опрошенных женщин, по семейному статусу — больше половины опрошенных незамужних женщин (55,8 %), каждая вторая среди вдов (45,9 %) и замужних женщин (48,7 %) не согласились бы стать «второй женой», ибо «нельзя вмешиваться в чужую семью и разрушать ее»; кроме того, 23,6 % женщин по всему массиву, по подгруппам — 21,5 % замужних, 29,7 % вдов и 25,3 % незамужних женщин считают данный поступок безнравственным; в то же время с мотивацией «если я полюблю человека» на статус «второй жены» согласились бы 8,0 % опрошенных женщин по всему массиву, по подмассивам — 5,4 % вдов и 3,5 % незамужних женщин; при этом, 7,6 % по всему массиву, 13,5 % вдов и 3,0 % незамужних женщин готовы пойти на этот шаг с целью иметь ребенка.

Таким образом, проведенное нами исследование показывает характерное для массового сознания опрошенных негативное отношение к межрелигиозному браку, причем оно более напряженное в подгруппах «убежденно верующих» и «верующих». Кроме того, опрошенные дагестанцы, независимо от типа религиозности, демонстрируют негативное отношение к многоженству, мотивируя свою позицию заложенным в нем потенциалом разрушения семьи, ибо «не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь “вторую жену”», а также характеризуя многоженство как желание «прикрыть безнравственность». Следует отметить, что опрошенные, относящиеся к мировоззренческим подгруппам «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», рассматривают институт многоженства как «пережиток прошлого», в отличие от подгруппы «убежденно верующих».

Опрошенные по самым различным признакам анализа демонстрируют отрицательную оценку сайта «Ищу вторую жену», ибо его появление может разрушить устои традиционной семьи, чревато эрозией традиционных ценностей и устоев. Кроме того, в общественном сознании представителей народов Дагестана доминирует негативное отношение к институту «вторая жена» с мотивацией «нельзя вмешиваться в чужую семью и разрушать ее», причем доля таковых больше в подгруппах «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и заметно меньше среди «убежденно верующих». Однако статистически небольшая доля опрошенных женщин все же соглашается на статус «второй» жены» с мотивациями «если я полюблю человека» и «ради того, чтобы иметь ребенка».

Литература

Алексеев Н.П. (1967) Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области). *Вопросы научного атеизма*. Вып. 3: 131–150.

Антонов А.И., Медков В.М. (1996) *Социология семьи*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
Антонов А.И. (1998) *Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов*. М.: Издательский Дом «Nota Bene».

Антонов А.И., Сорокин С.А. (2000) *Судьба России XXI века*. М.: Издательский Дом «Грааль».

Брыкова Т.Ю. (2011) Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? *Социологические исследования*, 11: 140–145.

Верещагина А.В. (2009) *Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе*. Ростов н/Д: Издательство ЮФУ.

Верещагина А.В. (2012) Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования. *Гуманитарий Юга России*, 4: 82–93.

Верещагина А.В. (2013) Традиционная семья в России: историческая специфика институционализации и тенденции разрушения. *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы истории»*. Хасавюрт: 19–28.

Верещагина А.В., Самыгин С.И. (2014) Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы. *Инженерный вестник Дона*, 3. [Электронный ресурс] // URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2531> (дата обращения: 17.07.2016).

Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. (2015) Духовные аспекты формирования национальной идентичности: социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России. *Инженерный вестник Дона*, 3. [Электронный ресурс] // URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2015/3195> (дата обращения: 15.08.2016).

Верещагина А.В., Шахбанова М.М. (2013) Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе. *Вестник Дагестанского научного центра*, 50: 65–71.

Вишневецкий А.Г. (1976) *Демографическая революция*. М.: Статистика.
Воспроизводство населения и общество: История, современность и взгляд в будущее (1982). М.: Финансы и статистика.

Гаджиева С.Ш. (1985) *Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX вв.* / Отв. ред. А. И. Першиц. М.: Наука.

Голод С.И. (1996а) *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. СПб.: Алетейя.

Голод С.И. (1996б) Современная семья: плюрализм моделей. *Социологический журнал*, 3–4: 99–108.

Голод С.И. (1998) *Семья и брак: Историко-социологический анализ*. СПб.: ТОО ТК «Петрополис».

Гурко Т.А. (2013) О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка. *Социологическая наука и социальная практика*, 3: 33–52.

Загирова Э.М. (2015) Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования. *The Caucasus and the world — International Scientific Journal*, 20: 158–165.

Исламские новости (2006). *Наука и религия*, 7: 45.

Карцева Л.В. (2003) Модель семьи в условиях трансформации российского общества. *Социологические исследования*, 7: 92–100.

Мацковский М.С. (1989) *Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики*. Отв. ред. Батыгин Г.С. М.: Наука.

Социология межэтнической толерантности (2003). Отв. ред. Л.М. Дробичева. М.: Изд-во Института социологии РАН.

Харчев А.Г. (1979) *Брак и семья в СССР*. М.: Мысль.

Шахбанова М.М. (2006) *Проблема реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев-аккинцев)*. Махачкала: Издательский дом «Наука плюс».

Шахбанова М.М. (2009) Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения. *Актуальные проблемы гуманитарных наук*, Вып. 4: 15–24.

Шахбанова М.М. (2012) Религиозная идентичность в структуре социальной идентичности дагестанских народов. *Культурная жизнь Юга России*, 1(46): 18–20.

Шахбанова М.М. (2013) Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях. *Социологические исследования*, 10: 88–97.

INFLUENCE OF THE TYPE OF RELIGIOSITY ON THE ATTITUDE TO THE TRADITIONAL FAMILY

Zagirova Elvira*

Regional Center for Ethno-Political Studies, Dagestan Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

Citation: Zagirova E.M. (2017) Vliyaniye tipa religioznosti na otnosheniye k traditsionnoy seme [Influence of the type of religiosity on the attitude to the traditional family]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(2): 82–103 (in Russian).

Abstract. When characterizing the modern traditional Dagestan family, the process of its transformation, as well as the crisis phenomena in this area, it is important to study the influence of the type of religiosity on the family behavior of the peoples of Dagestan. In 2016 the author conducted a descriptive sociological study of the traditional Dagestan family focusing on the factors of its destruction and development. 1323 people were

---

* E-mail: elvira.2005@inbox.ru

interviewed by means of a mass standardized questionnaire. The author examined the attitude towards the polygamy institute widespread in modern Dagestan society, the significance of religious affiliations in the making of respondents' own marriage and the marriage of their children, attitudes toward civil marriage.

The results of the sociological survey show the importance of the religious affiliation of the marriage partner. Most of the women interviewed as well as those interviewed from the groups of "hesitant", "non-believers" and "convinced non-believers" demonstrated a negative attitude towards polygamy: this phenomenon was defined by them as "immoral", threatening the destruction of a traditional family. The study showed that the confessional identity of Dagestanis is closely related to their ethnic identity, moreover, one can observe the formation of ethno-confessional identification. At the same time, religious identity, being in interrelation with the ethnic one, is practically not the subject of choice. This fact explains the negative attitude towards the inter-confessional marriages by Dagestanis, manifested primarily by subgroups that are religiously "convinced believers" and "believers". The author demonstrates that the respondents designate polygamy as a "relic of the past" and the internet site "I am looking for a second wife" as able to further strengthen the transformation processes of the traditional family. However, the positions that justify this phenomenon are also present among respondents.

Keywords: traditional family, family behavior, marriage, Dagestan people, polygamy

References

- Alekseyev N.P. (1967) Metodika i rezul'taty izucheniya religioznosti sel'skogo naseleniya (na materialakh Orlovskoy oblasti) [Methods and results of the study of the religiosity of the rural population (based on materials from the Orel Region)]. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of scientific atheism]. Vyp. 3: 131–150 (in Russian).
- Antonov A.I. (1998) *Mikrosotsiologiya sem'i: metodologiya issledovaniya struktur i protsessov* [Microsociology of the Family: Methodology for the Study of Structures and Processes]. M.: Izdatel'skiy Dom «Nota Bene» (in Russian).
- Antonov A.I., Medkov V.M. (1996) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta (in Russian).
- Antonov A.I., Sorokin S.A. (2000) *Sudba Rossii XXI veka* [The fate of Russia of the XXI century]. M.: Izdatel'skiy Dom «Gaal» (in Russian).
- Brykova T.Yu. (2011) *Vozmozhno li schastlivoye supruzhestvo v epokhu seksualnoy revolyutsii?* [Is a happy marriage possible in the era of the sexual revolution?] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 11: 140–145 (in Russian).
- Gadzhiev S.Sh. (1985) *Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX — nachale XX vv.* [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX — early XX centuries] / *Otv. red. A.I. Pershits. M.: Nauka* (in Russian).
- Golod S.I. (1996a) *Sovremennaya sem'ya: plyuralizm modeley* [Modern Family: Pluralism of Models]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 3–4: 99–108 (in Russian).
- Golod S.I. (1996b) *XX vek i tendentsii seksual'nykh otnosheniy v Rossii* [The twentieth century and the trend of sexual relations in Russia]. SPb.: Aleteyya (in Russian).
- Golod S.I. (1998) *Sem'ya i brak: Istoriko-sotsiologicheskiy analiz* [Family and Marriage: Historical Sociological Analysis]. SPb.: TOO TK «Petropolis» (in Russian).

Gurko T.A. (2013) O kontseptsii gosudarstvennoy semeynoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: ekspertnaya otsenka [On the Concept of the State Family Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: expert assessment]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 3: 33–52 (in Russian).

Islamskiye novosti (2006) [Islamic News]. *Nauka i religiya* [Science and religion], 7: 45 (in Russian).

Kartseva L.V. (2003) Model' sem'i v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva [Family model in the context of transformation of Russian society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 7: 92–100 (in Russian).

Kharchev A.G. (1979) *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and Family in the USSR]. M.: Mysl' (in Russian).

Matskovskiy M.S. (1989) *Sotsiologiya sem'i: problemy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of the Family: Problems of Theory, Methodology and Technique] / Otv. red. Batygin G.S. M.: Nauka (in Russian).

Shakhbanova M.M. (2006) *Problema reabilitatsii repressirovannykh narodov Dagestana (na primere chechentsev-akkintsev)* [The problem of rehabilitation of the repressed peoples of Dagestan (on the example of the Chechen-Aqinians)]. Makhachkala: Izdatel'skiy dom «Nauka plyus» (in Russian).

Shakhbanova M.M. (2009) Mesto religii v protsesse formirovaniya kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniya [The place of religion in the process of forming a culture of interethnic communication]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh nauk* [Actual problems of the humanities], Vyp. 4: 15–24 (in Russian).

Shakhbanova M.M. (2012) Religioznaya identichnost' v strukture sotsial'noy identichnosti dagestanskikh narodov [Religious identity in the structure of social identity of the Dagestan peoples]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 1(46): 18–20 (in Russian).

Shakhbanova M.M. (2013) Etnicheskaya identichnost' malochislennykh dagestanskikh narodov v sovremennykh usloviyakh [Ethnic identity of the small Dagestan peoples in modern conditions]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 10: 88–97 (in Russian).

Sotsiologiya mezhetnicheskoy tolerantnosti (2003) [Sociology of Interethnic Tolerance] / Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN (in Russian).

Vereshchagina A.V. (2009) *Transformatsiya instituta sem'i i demograficheskiye protsessy v rossiyskom obshchestve* [Transformation of the Family Institute and Demographic Processes in Russian Society]. Rostov n/D: Izdatel'stvo YUFU (in Russian).

Vereshchagina A.V. (2012) Institutstional'nyye izmeneniya v semeynoy sfere i demograficheskiye perspektivy Rossii: metodologicheskaya matritsa issledovaniya [Institutional changes in the family sphere and the demographic prospects of Russia: the methodological matrix of the study]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 4: 82–93 (in Russian).

Vereshchagina A.V. (2013) Traditsionnaya sem'ya v Rossii: istoricheskaya spetsifika institutsializatsii i tendentsii razrusheniya [Traditional family in Russia: the historical specifics of institutionalization and the tendency of destruction]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye voprosy istorii»* [Materials of the All-Russian scientific-practical conference “Actual questions of history”]. Khasavyurt: 19–28 (in Russian).

Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.KH., Samygin S.I. (2015) Dukhovnyye aspekty formirovaniya natsional'noy identichnosti: sotsiologicheskyy analiz ugroz sotsial'nomu zdorov'yu i dukhovnoy bezopasnosti Rossii [Spiritual Aspects of Formation of National Identity:

A Sociological Analysis of Threats to Social Health and Spiritual Security of Russia]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [The engineering bulletin of the Don], 3. [Elektronnyy resurs] // URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2015/3195> (data obrashcheniya: 15.08.2016) (in Russian).

Vereshchagina A.V., Samygin S.I. (2014) Krizis traditsionnoy sem'i i al'ternativy razvitiya instituta sem'i v Rossii: teoreticheskiy analiz s pozitsiy sinergeticheskoy paradigmy [The crisis of the traditional family and the alternative to the development of the family institution in Russia: a theoretical analysis from the standpoint of a synergetic paradigm]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [The engineering bulletin of the Don], 3. [Elektronnyy resurs] // URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2531> (data obrashcheniya: 17.07.2016) (in Russian).

Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M. (2013) Formirovaniye novykh semeynykh tsennostey i otnosheniy v sovremennom rossiyskom obshchestve [The formation of new family values and relationships in modern Russian society]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center], 50: 65–71 (in Russian).

Vishnevskiy A.G. (1976) *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic revolution]. M.: Statistika (in Russian).

Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: Istoriya, sovremennost' i vzglyad v budushcheye (1982) [Reproduction of the population and society: History, modernity and a glimpse into the future]. M.: Finansy i statistika (in Russian).

Zagirova E.M. (2015) Traditsionnaya sem'ya: teoreticheskiye aspekty sotsiologicheskogo issledovaniya [Traditional family: theoretical aspects of sociological research]. *The Caucasus and the world — International Scientific Journal*, 20: 158–165 (in Russian).